

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ

подъ управленіемъ И. И. Бецкаго.

(Историческое изслѣдованіе по архивнымъ дѣламъ).¹⁾

II.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Съ развитіемъ дѣятельности С.-Петербургскаго Отдѣленія Воспитательнаго Дома, Бецкой нашель, что и здѣсь, такъ же, какъ въ Московскомъ Совѣтѣ, должны засѣдать опекуны, получающіе жалованье и отдающіе свои труды единственно на пользу этого учрежденія, «не отягощая себя болѣе никакими исправленіями прочихъ мѣстъ» (т. е. должностей); онъ задумалъ уже въ 1778 г. распредѣлить одинаково количество опекуновъ при томъ и другомъ Воспитательномъ Домѣ.²⁾ Но такъ какъ умноженіе опекуновъ признано было невозможнымъ по недостатку средствъ Воспитательнаго Дома, то Бецкой предписалъ: «изъ шести назначеннаго въ Планѣ числа опекуновъ за довольное быть четыремъ при Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, а тремъ, вообще съ Директоромъ, въ С.-Петербургскомъ Отдѣленіи, съ получаемымъ онымъ здѣсь въ С.-Петербургѣ жалованьемъ, по причинѣ известной во всемъ дороговизны, по 1,200 рублей». Когда же потребовалось бы обсуждать какое-нибудь особенно важное дѣло,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 146—159; 359—380.

²⁾ Письмо Главнаго Попечителя въ Московскій Совѣтъ отъ 19-го октября 1778 г. Оно напечатано, въ сокращеніи, въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома на мѣсяць ноябрь 1778 г.» («Собраніе извѣстій», стр. 131—137).

то, на этотъ случай, могли быть приглашены къ засѣданію: въ Москвѣ—Главный Надзиратель и Директоръ казенъ, а въ Петербургѣ—Главный Попечитель.

«Буде-бъ—продолжалъ Бецкой—въ чемъ нужда бѣльшая была и свобода времени дозволяла, то, на основаніи Генеральнаго трехъ частей Плана и чрезъ переписки, одно мѣсто другому мнѣнія свои сообщая, могутъ утверждать общее свое согласіе».

Въ концѣ января 1779 г., ¹⁾ вмѣсто обычнаго балотированія шарами, были письменно предложены гг. Почетнымъ Благотворителямъ, опекунамъ и за-опекунамъ, къ выбору въ опекуны въ С.-Петербургское Отдѣленіе, нѣсколько человекъ, изъ которыхъ, по большинству мнѣній, выбраны: надворный совѣтникъ Вындомскій и коллежскій асессоръ Стоксъ. 16-го марта того же года ²⁾ происходило соединенное засѣданіе прежнихъ за-опекуновъ (Памфиловъ, Загребскій, Фелтенъ, Аничковъ и Ильинъ) и новыхъ опекуновъ, въ которомъ за-опекуны заявили, что они «не оставятъ старанія и труды свои употреблять къ соотвѣтствующей Воспитательному Дому и обществу пользѣ». Но участіе ихъ—за исключеніемъ одного Фелтена—въ дѣлахъ Воспитательнаго Дома становится уже чисто номинальнымъ, хотя Бецкой и надѣялся, что за-опекуны, — «оставаясь на прежнемъ своемъ положеніи, съ неисключеніемъ выгодъ по преимуществамъ Воспитательнаго Дома»..... не почтутъ въ отягощеніе являться въ засѣданіе не только по особымъ новѣствамъ, «но и въ назначенное время, на примѣръ въ недѣлю подожа субботній день». Съ 18-го марта исчезаютъ уже и ихъ подписи подъ журналами.

Обстоятельства, очевидно, шли къ тому, чтобы сравнять окончательно, въ правахъ и въ устройствѣ, С.-Петербургское Отдѣленіе съ Московскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ. Теперь уже только число опекуновъ и нѣкоторая особенность въ положеніи Директора дѣлали между ними различіе. Но 15-го сентября 1780 г., по новому законоположенію, одобренному въ собраніи Почетныхъ Благотворителей и словесно ³⁾ утвержденному императрицею, отмѣнилось и это различіе, такъ какъ въ каждомъ мѣстѣ назначено быть четыремъ опекунамъ, и, между ними, по одному Обер-

¹⁾ Журналъ засѣданія 29-го января, № 53.

А. П.

²⁾ Журналъ засѣданія, № 134.

³⁾ Дѣло по Канц. Спб. Опекунскаго Совѣта, о служившихъ, № 46.

Директору. Вскорѣ послѣ того, и сохранившееся по ошибкѣ названіе Отдѣленія было признано несоотвѣтствующимъ равноправности обоихъ Воспитательныхъ Домовъ: «и для того — писалъ Бецкой отъ 17-го октября 1780 г. ¹⁾—имѣеть и С.-Петербургское засѣданіе впредь называться С.-Петербургскимъ Опекунскимъ Совѣтомъ».

Мотивы, побудившіе Бецкаго къ изданію новаго законоположенія, напечатаннаго, въ свое время, не исполнѣ, но только въ извлеченіи, изложены достаточно сильно и рельефно въ предисловіи къ нему, которое составляетъ какъ бы введеніе къ самому уставу. Нужны были, конечно, весьма рѣзкія и внушительныя причины, чтобы вырвать у Бецкаго такой укоръ, брошенный имъ въ официальной бумагѣ своимъ подчиненнымъ: «мрачность, запутанность неразрѣшимая, представляя повсюду и къ поправленію упущеннаго неодолимаго препятствія, не показываютъ ни тѣни того, чтобъ были разумы благоустроющіе и сердца благотворительныя». Главнымъ образомъ, упрекъ этотъ заслужилъ тогда Московскій Опекунскій Совѣтъ. Чтобы устранить вравшееся зло, Бецкой прибѣгнулъ разомъ къ нѣсколькимъ мѣрамъ. Во-первыхъ, онъ ввелъ въ Совѣты, на полныхъ опекунскихъ правахъ, двухъ Ober-Директоровъ, которыхъ должность — по его выраженію — «замыкала въ себѣ всецѣлую обширность Дома», т. е. въ лицѣ Ober-Директора сливались обязанности Главнаго Надзирателя и Директора казенъ съ званіемъ опекуна, какъ постояннаго члена Совѣта. Мы видѣли уже, что Бецкой, въ своемъ Генеральномъ Планѣ, желалъ соединить удобства единоличнаго правленія съ выгодами, представляемыми коллегіальнымъ началомъ, и потому, назвавъ Главнаго Надзирателя единственнымъ хозяиномъ въ Домѣ, онъ, все-таки, поставилъ его подъ всегдашній и бдительный контроль Опекунскаго Совѣта. Изъ этого полу-подчиненнаго положенія Главнаго Надзирателя возникали, однако, на практикѣ серьезныя недоразумѣнія, и опекуны, не довольствуясь коллегіальнымъ надзоромъ за его дѣйствіями, вмѣшивались непосредственно въ его распоряженія, чѣмъ и нарушали уже границу, проведенную уставомъ между обязанностями Совѣта и главнаго въ Домѣ администратора. Безъ сомнѣнія, опе-

¹⁾ Письма Гл. Попечителя въ Моск. Опек. Совѣтъ.

куновъ подталкивало на присвоеніе чуждой роли то обстоятельство, что Главный Надзиратель былъ только приглашаемъ въ Совѣтъ и являлся туда, какъ лицо, обязанное извѣстнаго рода отчетностью; а въ то время тонкое различіе между прямымъ служебнымъ подчиненіемъ и обязанностью отчета было едва-ли многимъ доступно, и право, контроля казалось, съ тѣмъ вмѣстѣ, и правомъ на ежедневное вмѣшательство въ самое исполненіе контролируемыхъ обязанностей. Бецкой отчасти предвидѣлъ это и формально запретилъ подчиненнымъ Главнаго Надзирателя: «бѣгать въ дома къ членамъ Совѣта или ходить къ нимъ съ представленіями», но они, тѣмъ не менѣе, бѣгали и ходили, и опекуны, становившіеся, такимъ образомъ, какъ бы новою властью между подчиненными и ихъ ближайшимъ начальникомъ, подрывали авторитетъ послѣдняго и мѣшали успѣху тѣхъ мѣръ, результаты которыхъ призваны были обсуждать. Въ свою очередь, и Главный Надзиратель, опираясь на то, что онъ все-таки «отецъ въ Домѣ», относился нерѣдко съ пренебреженіемъ къ коллегиальному надзору, чѣмъ вызывая, съ противной стороны, обвиненіе въ гордомъ и грубомъ нравѣ. Такое именно столкновеніе произошло въ 1775 г. между Опекунскимъ Совѣтомъ и Главнымъ Надзирателемъ Московскаго Воспитательнаго Дома, и столкновеніе это было настолько враждебно, что самъ Бецкой вынужденъ былъ войти въ разсмотрѣніе его и разъяснить нормальныя задачи, по уставу, обѣихъ перессорившихся сторонъ. Оказалось, напримѣръ, что на генеральномъ балотированіи опекуны, «не могли желанія своего удовлетворять полагаемыми балами.... прямо отважились говорить о порокахъ Главнаго Надзирателя публично» и устроили ему сцену, на которую пригласили въ свидѣтели, вопреки обряду балотированія, и экспедитора, и казначея Дома. Скандальная сцена—по словамъ Бецкаго—«наслушила (т. е. огласила) весь городъ Москву и С.-Петербургъ».¹⁾ Предоставленіе Обер-Директору опекунскаго мѣста въ Совѣтъ имѣло цѣлью—сдѣлать его «равновластнымъ» съ прочими членами Совѣта, избавить его отъ неумѣстнаго и, подъ часъ, оскорбительнаго вмѣшательства опекуновъ въ управленіе Дома, не освобождая однако, отъ той доли надзора, которая препятствовала бы ему явно злоупотреблять сво-

¹⁾ Письма Гл. Попечителя отъ 1 и 14-го мая 1775 г.

имъ положеніемъ и идти въ разрѣвъ съ предписаніями устава и интересами цѣлаго учрежденія. Ober-Директоръ, по прежнему, представлялъ въ Совѣтъ свои отчеты и денежные балансы, и, вромѣ того, опекуны должны были, «по порядку очередуясь, по одному, быть безотлучно съ Ober-Директоромъ съ утра и до ночи, имѣя за общими печатами казну, закладныя, завѣщанія и заложенные въ ломбардъ вещи, дабы притомъ и приходящія по Сохранной Казнѣ, имѣющіе нужду, могли во всякое время получать къ удовольствію своему подлежащія отвѣты». Но мѣра эта зашла далѣе своей цѣли, и Ober-Директоры, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю дѣятельную власть по Дому, мало стѣснялись уже опекунскимъ надзоромъ и могли при случаѣ давать отпоръ самому Главному Попечителю, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Во-вторыхъ, Бецкой, узнавъ по опыту, что въ опекуны балотируются и попадаютъ лица, совершенно неспособныя къ выполнению своей благотворительной обязанности, учредилъ при Опекунскомъ Совѣтѣ новую должность—контролера, поставивъ условіемъ, что—«удобнѣйшей дороги вступить въ опекуны не остается, вромѣ только чрезъ единое контролерство». Контролеръ завѣдывалъ письмоводствомъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ экспедитора, и присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта, «но за другимъ столомъ, способствуя, по приглашенію членовъ, ихъ рѣшеніямъ чрезъ представленіе своихъ разсужденій». ¹⁾ Онъ считался также первымъ помощникомъ Ober-Директора по управленію Домомъ и, въ отсутствіе его, заступалъ его мѣсто, пользуясь, одинаково съ нимъ, квартирою въ Домѣ при казенномъ отопленіи и освѣщеніи. Контролеры избирались общею балотировкою въ обоихъ Совѣтахъ и, пройдя разъ этотъ избирательный путь, поступали уже прямо на открывшіяся опекунскія вакансіи, «доказавъ потребныя способности какъ разума, такъ и сердца, чрезъ трудолюбивое управленіе, приобрѣтеніемъ самоподробнѣйшаго свѣдѣнія о всемъ, что до Воспитательнаго Дома по истиннымъ его предметамъ касается».

Въ третьихъ, Главный Попечитель обратилъ вниманіе на

¹⁾ Собраніе учрежд. и предписаній, т. I, предварительн. объясненіе, стр. XXXVIII.

«истребленіе всякихъ расходовъ, «вгунѣ истощающихъ, челоуѣколюбіемъ собираемые, доходы на помощь сиротъ» и предписалъ довести сокращеніе издержекъ до того, чтобы въ первый же годъ можно было сохранить изъ всѣхъ доходовъ, по крайней мѣрѣ. 50 тысячъ руб. для отчисленія ихъ въ капитальный фондъ Дома, о которомъ слѣдовало «неусыпно стараться для всякаго нечаяннаго случая». Въ тѣхъ же видахъ положено было «отрѣшнть безплодныхъ людей» отъ службы при Домѣ, разумѣя подъ ними излишнихъ бухгалтеровъ, писцовъ и разныхъ служителей.

Въ четвертыхъ, Бецкой нашель, что генеральное балотированіе, — о которомъ мы говорили выше, — «впредь съ симъ новымъ учрежденіемъ, въ разсужденіи многихъ неудобствъ, уже совѣмъ совмѣстно быть не можетъ» и потому отмѣнилъ его, «предоставивъ каждому Совѣту, съ согласія Главнаго Попечителя, удалять отъ должности Обер-Директора, опекуна или контролера, явно избыточныхъ въ нарушеніи своего долга. Генеральному собранію,¹⁾ въ которомъ къ голосамъ опекуновъ и контролеровъ обонихъ Совѣтовъ присоединялись голоса Главнаго Попечителя и Почетныхъ Благотворителей, оставалось затѣмъ рѣшнть вопросъ: «долженъ ли совратившійся съ пути добродѣтели быть, въ силу его клятвъ, обнародованъ?»

Кромѣ этого случая, въ генеральное собраніе вносились всѣ тѣ дѣла, которыя не могли быть рѣшены общею балотировкою обонихъ Совѣтовъ, вмѣстѣ съ двумя голосами Главнаго Попечителя.

Кажется, что съ того же времени, при избраніи должностныхъ лицъ, появились въ употребленіи, кромѣ бѣлыхъ и черныхъ шаровъ, еще шары сомнительные, которыхъ два равнялись одному бѣлому. По крайней мѣрѣ, въ іюлѣ 1782 г., Бецкой кассировалъ балотировку, — на которой потерпѣлъ неудачу контролеръ Крюковскій, — подъ тѣмъ предлогомъ, что при избраніи влялись только бѣлые и черные шары, но не было шаровъ сомнительныхъ.²⁾

¹⁾ Въ первой части Плана Воспитательнаго Дома упоминается генеральное собраніе одного Опека. Совѣта, которое имѣло совѣмъ другой характеръ. Оно происходило ежегодно 21-го апрѣля «въ память заведенію Воспитательнаго Дома» и занималось повѣркой отчетовъ Гл. Надзирателя, а также разборомъ жалобъ приносимыхъ подчиненными на своихъ начальниковъ. А. П.

²⁾ Дѣло по Канц. Спб. Сов., о служившихъ № 23—1. Въ «Предварительномъ объясненіи» къ «Собранію учреждений и предписаній» Бецкой, на-

Замѣтимъ еще, что по уставу 1780 г. Обер-Директоръ получалъ помощника, котораго должность соотвѣтствовала нынѣшней должности инспектора классовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и что, съ тѣмъ вмѣстѣ, прежняя Главная Надзирательница стала называться Первою Надзирательницею надъ частными. Поводомъ къ перемѣнѣ титула послужило то соображеніе, что прежде, когда взрослые дѣти отправлялись изъ Петербурга въ Москву, обязанность Главной Надзирательницы Московскаго Воспитательнаго Дома, соединявшей подъ своимъ надзоромъ питомцевъ двухъ заведеній, была весьма обширна; съ прекращеніемъ же пересылки дѣтей, должность ея, по словамъ устава, на двое раздѣленная, несравненно облегчилась, почему и не надлежало быть двумъ Главнымъ Надзирательницамъ въ обоихъ мѣстахъ. Впослѣдствіи однако, когда, съ открытіемъ при С.-Петербургскомъ Воспитательномъ домѣ Училища акушерства, труды Первой Надзирательницы значительно увеличились, то ей усвоенъ опять прежній титулъ.¹⁾

Издавъ новое законоположеніе, которое упрочивало указанными средствами распатавшіяся порядоки вещей, Бецкой пожелалъ тогда же произвести опытъ надъ способностью Опекунскихъ Совѣтовъ къ самоуправленію и, «предоставивъ имъ свободу дѣйствовать и устроить все къ лучшему», отказался на условный срокъ отъ тѣхъ преимуществъ, которыми онъ пользовался, по особому довѣрію императрицы, сверхъ обыкновенной власти Главнаго Попечителя. Чтò Бецкой смотрѣлъ на этотъ опытъ весьма серьезно и не желалъ, безъ крайней надобности, возвращаться къ своимъ добровольно-повинутымъ правамъ, — это доказывается многими данными, которыя легко почерпнуть изъ его огромной переписки. Такъ напримѣръ, въ 1784 году, когда московскій Обер-Директоръ Гогель колебался въ выдачѣ большой суммы, противно правиламъ, ввязю Василью Никитичу Трубецкому, и думалъ, что Главный Попечитель желаетъ помирволить своему родственнику, давъ ему напередъ слово исполнить его просьбу, то Бецкой самъ вразумилъ московскихъ опекуновъ на счетъ самостоятельности, имъ предоставленной. «Я слова моего не давалъ — писалъ онъ категорически Гогелю — а обѣщаль, какъ обыкновенно отвѣчаю

печатанномъ въ 1789 г., упоминаются категорически уже всѣ эти три разряда шаровъ (т. I, стр. XLIV, примѣч.).

А. П.

¹⁾ «Предварит. объясненіе», стр. XXXIV.

на просьбу всякаго, сдѣлать все, что можно. Впрочемъ, тому, кому бы я показать помощь хотѣлъ, было бы дано отъ меня письмо. Но и въ такомъ случаѣ, если бы въ ономъ (письмѣ), для какихъ-нибудь отъ меня причинъ, могло быть что-нибудь не согласное съ узаконеніями Воспитательнаго Дома, не надлежало-бы исполнять, въ разсужденіи врученной Совѣтомъ отъ меня власти, которую я съ себя сложилъ, а поступать какъ должно со всѣми предбудущими Главными Попечителями и противъ моихъ двухъ голосовъ произвестъ въ вашемъ Совѣтѣ балотированіе, которое послѣ сообщить въ здѣшній для учиненія по тому-жъ. Поступая и всегда столь неподобострастнымъ духомъ, таковыми нераболѣпными примѣрами можно бы давно было проложить пути въ сохраненію навѣки благостоянія Воспитательнаго Дома: какъ непоколебимымъ твердодушіемъ предбудущихъ членовъ обоихъ Совѣтовъ, такъ и обузданіемъ самовласти, которое себѣ можетъ покушаться присвоить впредь гордость Главныхъ Попечителей къ предосужденію Воспитательнаго Дома.¹⁾ Такую же независимость хотѣлъ предоставить Бецкой Опекунскимъ Совѣтамъ и относительно Почетныхъ благотворителей. Спустя 10-ть лѣтъ по изданіи новаго законоположенія, когда Опекунскіе Совѣты успѣли доказать, что они часто злоупотребляютъ своею самостоятельностью, Бецкой все еще не покидалъ своей первоначальной мысли, и Княжнинъ писалъ о немъ, въ дружескомъ письмѣ, къ Гогелю: «Теперь онъ все повторяетъ, что Совѣты должны вполнѣ воспользоваться своими правами (*entrer dans leurs droits*) и дѣйствовать самостоятельно, согласно плану; что они не должны дозволить вмѣшиваться въ теченіе дѣлъ по Дому ни одному сильному вельможѣ, изъ опасенія создать себѣ деспотовъ, которые могутъ произвести путаницу; что Почетные Благотворители призваны содѣйствовать своими протекціями только по внѣшнимъ сношеніямъ Дома» и проч.²⁾ Но, предугадывая въ будущемъ необходимость экстренныхъ мѣръ, выходящихъ за предѣлы нормальной власти Главнаго Попечителя, Бецкой не отступался окончательно отъ своихъ прерогативъ, не сжигалъ за собою кораблей, и параграфъ 17-й новаго узаконенія оставлялъ за нимъ право—

¹⁾ Арх. Спб. Сов. «13-ть копій съ предписаній Гл. Попечителя», стр. 16.

²⁾ Арх. Моск. Воспит. Дома: «Письма Княжнина къ Гогелю». Письма эти почти исключительно на французскомъ языкѣ.

вооружиться опять, въ крайней надобности, покинутыми на время полномочіями. «Какъ при всякомъ, вновь распоряжаемомъ учрежденіи—гласиль помянутый параграфъ—всего предусмотрѣть невозможно, то, если и въ семь положеніи что недостаточнымъ или какъ въ прибавокъ, такъ и въ отмѣну что за нужное, по представленію во мнѣ (т. е. Гл. Попечителю) или по моему усмотрѣнію, признается, то предоставляется оное иными отъ меня предписаніями дополнить или исправить». Опираясь на этотъ пунктъ, Бецкой не оставался безучастнымъ зрителемъ промаховъ и злоупотребленій своихъ подчиненныхъ, и когда простыя напоминанія не дѣйствовали, то вступалъ снова въ исключительную роль, присвоенную ему первоначальнымъ уставомъ¹⁾ и подтвержденную, въ болѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, въ «Дополненіи» къ Генеральному Плану. По силѣ того же 17-го параграфа, Бецкой дополнилъ, въ 1785 г., свое узаконеніе нѣсколькими новыми правилами, не имѣющими особенной важности. Въ концѣ 1787 г. это узаконеніе было еще разъ измѣнено и, систематично изложенное,—впрочемъ, съ опущеніемъ всѣхъ рѣзкихъ отзывовъ о дѣятельности Опекунскихъ Совѣтовъ,—появилось въ печати, подъ именемъ «предварительнаго объясненія», въ 1-мъ томѣ «Собранія учреждений и предписаній касательно воспитанія обученія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества», изданнаго въ С.-Петербургѣ въ 1789 г. Перемѣны, внесенныя этою послѣднею редакціею въ законоположеніе 1780 г., не коснулись однако существенной его части, и потому мы не будемъ на нихъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы сейчасъ только упомянули, а о другихъ, болѣе важныхъ, скажемъ впослѣдствіи.

III.

Ближайшіе начальники С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома въ періодъ управленія И. И. Бецкаго.—И. И. Моллеръ въ званіи Директора и Обер-Директора Воспитательнаго Дома.—Ф. П. Фрезе.—Начало учебныхъ занятій въ Воспитательномъ Домѣ.—Гейнрихъ Гогель.

Обер-Директоры С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома слѣдовали, одинъ за другимъ, въ такомъ порядкѣ: Моллеръ, Фрезе, Гогель (временно, на короткій срокъ), Киршбаумъ, Крюковскій и, наконецъ, Сумбатовъ. Мы сообщимъ о каждомъ изъ нихъ всѣ тѣ біографическія свѣдѣнія, которыя удалось намъ розыскать.

¹⁾ «Собраніе учреждений и предписаній», т. I, стр. 68.

1. Иванъ Ивановичъ Моллеръ началъ свою службу, въ 1751 г. солдатомъ въ Преображенскомъ полку, а въ 1771 г. 21-го февраля, поступилъ, въ чинъ полковника, подъ начальство Бецкаго, въ контору строенія Воскресенскаго Новодѣвичьяго монастыря, на мѣсто коллежскаго совѣтника Нормана. Въ бытность свою въ Преображенскомъ полку онъ исполнялъ разные курьерскія порученія и былъ однажды (въ 1761 г.) командированъ въ гор. Михайловъ «для изслѣдованія, по доносамъ разныхъ людей, якобы о найденныхъ кладахъ». Затѣмъ, въ 1763—67 гг. онъ, по именному указу, наблюдалъ за выдѣлкою при дворѣ серебрянныхъ сервизовъ, для которыхъ было отпущено въ его вѣдѣніе золота и серебра «на многотысячную сумму» и денегъ болѣе 30-ти тысячъ рублей, что все и было израсходовано имъ правильно.¹⁾ Въ 1772 году онъ, въ званіи опекуна, и не покидая занятій въ Конторѣ Смольнаго, опредѣленъ былъ Директоромъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома, а 28-го іюня 1778 г., вмѣстѣ съ опекуномъ Закревскимъ, произведенъ, по ходатайству Бецкаго, въ чинъ статскаго совѣтника. Съ преобразованиемъ Опекунскаго Совѣта, въ 1780 г., мы видимъ Моллера уже въ качествѣ опекуна и Обер-Директора. Назначая его и Закревскаго членами Опекунскаго Совѣта, Бецкой писалъ, что «хотя и казалось бы имъ, яко имѣющимъ другія обязанности, несходственно съ предписаннымъ занимать толь много упражняющія при домѣ званія», но что онъ даетъ имъ эти мѣста, соображаясь съ ихъ способностями и долговременной привычкою къ дѣламъ, а также довѣряясь вполне ихъ словесному обѣщанію, что «все въ самой точности будетъ ими исполняемо». Тѣмъ не менѣе, Моллеръ пробылъ недолго въ своей новой должности. Заручившись, какъ видно, довѣріемъ Бецкаго за прежнюю усердную службу, онъ нашель удобнымъ для себя—повести иначе дѣла, и въ началѣ 1782 г. былъ отданъ, по высочайшему повелѣнію, подъ слѣдствіе по дѣламъ конторы строеній Новодѣвичьяго монастыря. Это обстоятельство сейчасъ же отразилось на его службѣ по Воспитательному Дому, и 12-го февраля 1782 г. Бецкой письменно предложилъ уволить его отъ исправленія должности Обер-Директора.²⁾ Вслѣдъ затѣмъ открылись на немъ новые начеты и по

¹⁾ Дѣло по Канц. Спб. Оп. Сов. по разн. предм., № 12, связка 1.

²⁾ Дѣло по Канц., о служившихъ, № 21, связка 1.

Воспитательному Дому. Въ денежномъ сундукѣ найдена была, вмѣсто недостающихъ 485 р. 95 к., росписка Моллера въ томъ, что эта сумма просчитана имъ по ошибкѣ, и когда Опекунскій Совѣтъ поставилъ на видъ ему этотъ казусъ, то онъ попросилъ сложить съ него взыскаіііе, такъ какъ онъ, «не имѣвъ ни помощника, ни казначея, ни счетчика, великія суммы въ обращеніе производилъ съ соблюденіемъ кредита и довѣренности общества, но при пріемахъ изъ разныхъ мѣстъ и выдачахъ немалыхъ суммъ, никакъ невозможно было остережеться отъ прочета». Объясненіе это показалось правдоподобнымъ Опекунскому Совѣту, и просьба Моллера была удовлетворена, съ согласія московскихъ опекуновъ. ¹⁾ Но только что затихло это дѣло,—поднялось другое, гораздо худшее. Новый Обер-Директоръ открылъ, что, во время управленія Моллера, кассиръ ломбарда Принцъ совершилъ невозбранно похищеніе свыше 170 тысячъ рублей, и подобный случай, конечно, невозможно уже было объяснить и оправдать однимъ невиннымъ прочетомъ. Вслѣдствіе этого Бецкой, письмомъ отъ 29-го декабря 1782 г. ²⁾ предложилъ Совѣту взыскать съ Моллера и бывшихъ опекуновъ всю похищенную Принцемъ сумму. Тутъ же Бецкой прибавилъ, что и по постройкамъ Воспитательнаго Дома найдены суммы, излишне-переданныя, которыя полагалось присоединить въ предыдущему взысканію. ³⁾ Но Моллеръ не призналъ справедливымъ наложеннаго на него взыскаіііа и, въ двухъ поданныхъ имъ объясненіяхъ, старался сложить вину на своихъ недавнихъ товарищей по службѣ, изъ которыхъ, будто бы, двое — опекуны Закревскій и Голохвастовъ—во время покражи до того «усилились въ совѣтъ», что «обратили въ одно пустое званіе» должность Обер-Директора и, вмѣшиваясь въ его дѣла, отучили отъ должнаго повиновенія всѣхъ его подчиненныхъ. Изъ этихъ подчиненныхъ, какъ на особенно-виновнаго въ стачкѣ съ Принцемъ, Моллеръ указывалъ на бухгалтера Фрейтага, при чемъ, вдаваясь безъ церемоніи въ міръ заулсныхъ сплетенъ и дразгъ, припутывалъ къ своимъ объяс-

¹⁾ Журн. Опекун. Сов. 1782 г. 30-го іюня, № 477.

²⁾ Журн. Опекун. Сов. 1782 г., № 893.

³⁾ Изъ вѣдомости, приложенной къ одному дѣлу (№ 11, по Экспед. Ссудн. Казны, по разн. предм.), видно, что по строенію Воспит. Дома, было передано лишнихъ 1,032 р. 23 к.

неніямъ и покровительство, оказанное Фрейтагу за-опекуномъ Ильинымъ, и «дружбу, соплетенную бухгалтеромъ съ бывшимъ при домѣ штаб-лекаремъ Книперомъ, отъ которой послѣдовала толикая разстройка внутреннихъ распорядковъ въ домѣ». Но изъ объясненій Ильина оказывается, однако, что «въ кладовую (откуда сдѣлано похищеніе заложенныхъ вещей) никто, кромѣ самого г. Директора, входа не имѣлъ»; а бухгалтеръ Фрейтагъ, въ отвѣтъ на обвиненіе въ соучастіи съ Принцемъ, писалъ Опекунскому Совѣту: «Не упустилъ я, какъ мнѣ помнится, въ 1780 г., примѣтивъ знатныя, Принцемъ на себя чинимыя издержки, между разговоровъ, сказать Ивану Ивановичу Моллеру, что не изволить ли онъ замѣтить: не производитъ-ли онъ (Принцъ) какого-либо ущерба дому? Со всѣмъ тѣмъ, за сію, усердія исполненную, откровенность, на другой же день послѣ того, былъ я разбраненъ Принцемъ, которому про то его высочородіе изволилъ сказать. Послѣ сего, уже не оставалось мнѣ болѣе ничего дѣлать». При этомъ Фрейтагъ прибавлялъ, что не къ обязанности его, бухгалтера, относилось—присматривать за кассиромъ. Впрочемъ, за Фрейтагомъ, и безъ того, обнаружилась своя собственная, самостоятельная вина, заключавшаяся въ неисправномъ веденіи бухгалтерскихъ книгъ.

Не забылъ Моллеръ упомянуть, въ своихъ объясненіяхъ, о несправедливости слуховъ, распущенныхъ про его богатство, найденное на службѣ въ Воспитательномъ Домѣ, о бѣдствіяхъ своей «упадающей фамилии», о несправедливости подозрѣній, возбужденныхъ противъ него въ Главномъ Попечителѣ.

Сильнѣйшее возраженіе Моллера состояло въ томъ, что члены Опекунскаго Совѣта, при выходѣ его въ отставку, «не учинили за подписаніемъ руки и не требовали никакого документа ни денежной казнѣ, ни крѣпостнымъ, ни движимымъ закладамъ», и что они, до вступленія въ должность новаго Обер-Директора, «возложили всю повѣренность на одного кассира Принца». Въ сущности возраженіе это сводилось къ тому, что опекуны, товарищи Моллера, сдѣлали формальный промахъ, выказавъ своему сослуживцу излишнее довѣріе, за которое онъ и спрятался потомъ, какъ за надежную, непреступную крѣпость. Быть можетъ, это именно обстоятельство, благодаря которому главный виновникъ между опекунами благополучно прикрылся служебными фор-

мальностями, а подь ударъ подставлялись лица, гораздо меньше прикосновенныя къ дѣлу и даже, вѣроятно, страдавшія за одну лишь свою оплошность, — высканіе, первоначально наложенное Бецкимъ, не имѣло успѣха, и въ казну Воспитательнаго Дома возвращена была только та сумма (97,944 р.), которую удалось во-время отобрать у Принца товарами, деньгами, векселями и росписками. Остальная же часть похищенныхъ цѣнностей, «къ возвращенію которой ни малой надежды не имѣлось», по рѣшенію генеральнаго собранія 1784 г., пала на экономію Воспитательнаго Дома.¹⁾

2. Федоръ Петровичъ Фрезе (или Фрезъ), бывшій членомъ Медицинской Коллегіи, назначенъ Бецкимъ, 1-го апрѣля 1782 г., въ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, въ званіи «на-мѣстнаго Обер-Директора»; покуда не получитъ увольненія отъ прежней своей должности. Опредѣляя его собственной властью, по 17-му параграфу новаго законоположенія, Бецкой выражалъ желаніе, чтобы Фрезе, какъ докторъ, «по знанію своему, споспѣшествуя сохраненію жизни младенцевъ, воспитываемыхъ какъ въ Домѣ, такъ и въ деревняхъ, искуснымъ присмотромъ за ихъ содержаніемъ, отвращалъ бы умертвіе ихъ, толь многочисленно случавшееся; а притомъ и Совѣтъ, будучи, всходствіе упомяну-таго законоположенія, достаточно наполненъ, возмогъ бы скорѣе приступить къ основанію при Воспитательномъ Домѣ еще небывалыхъ заведеній, какъ-то: наученіе искусныхъ бабокъ и аттестованіе надежныхъ и здоровыхъ кормилицъ, кои толь рѣдки и для сохраненія человѣческаго рода необходимы и пр., всходствіе 10-го § въ учрежденіи Сохранной Казны, Воспитательному Дому представленныхъ установленій для приумноженія болѣзнихъ отъ сего Дома для общества пользы».²⁾ Фрезе, какъ видно, энергически принялся за свое дѣло и — по свидѣтельству графа де-Салена, частнаго секретаря Бецкаго по французской корреспонденціи — пользовался сначала большимъ вѣсомъ и уваженіемъ у Главнаго Попечителя.³⁾ Вступивъ въ управленіе Домомъ послѣ Моллера, онъ «нашелъ — по выраженію Бецкаго — разныя запу-

¹⁾ Арх. С.-пб. Оп. Сов., дѣло по Канц., по разн. предм., № 809, связка 8.

²⁾ Журн. Опек. Сов. 1782 г., 1-го апрѣля № 270.

А. П.

³⁾ Архивъ Моск. Опек. Совѣта, письма де-Салена, переплетенныя вмѣстѣ съ письмами Княжнина къ Гогелю. Письмо № 17 отъ 23-го іюля 1780 г. А. П.

танности, неустройства и упущенія», между которыми, прежде всего, бросилась въ глаза огромная покража, учиненная изъ Ссудной Казны кассиромъ. За открытіе этой покражи и за принятіе мѣръ ко взысканію съ дохитителя, Фрезе былъ награжденъ, по приговору генеральнаго собранія, выдачею ему, не въ примѣръ другимъ, 4% со всей возвращенной суммы. Въ томъ же 1784 г. Фрезе, вмѣстѣ съ опекуномъ Крюковскимъ, былъ представленъ къ ордену св. Владимира, при чемъ Бецкій указывалъ, въ числѣ его заслугъ, «на усовершенствованіе воспитанія питомцевъ». До 1780 года взрослые питомцы С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома отсылались въ Москву, гдѣ и были обучаемы наукамъ и ремесламъ; но съ тѣхъ поръ, какъ пересылка эта была отмѣнена и оба Дома получили одинаковое внутреннее устройство, надо было подумать о томъ, чтобы и здѣсь учредить учебныя классы для подроставшихъ питомцевъ и питомицъ. По уставу Бецкаго, обученіе дѣтей должно было начинаться не ранѣе, какъ на шестомъ году возраста, а такъ какъ въ 1779 г. снова были отсланы изъ С.-Петербурга въ Москву питомцы свыше 3-хъ лѣтъ, то приходилось подождать нѣсколько времени, пока оставшіяся дѣти достигнуть возраста, опредѣленнаго Генеральнымъ Планомъ для начатія учебныхъ занятій. Такимъ образомъ, только въ 1782 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Фрезе могъ пригласить перваго учителя, Закона Божія, обучавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и русской грамотѣ. Вслѣдъ за этимъ, приглашаемы были постепенно другіе наставники, и къ 1785 году дѣло это подвинулось настолько, трудами Фрезе, что дѣти обучались,—кромѣ грамоты и Закона Божія,—арифметикѣ, географіи, исторіи, нѣмецкому и французскому языкамъ. Введено было также обученіе музыкѣ и танцамъ; начались въ легкомъ видѣ ремесленныя занятія; а нѣсколько мальчиковъ, предназначенныхъ къ изученію медицины и хирургіи, стали брать уроки латинскаго и греческаго языка по наглядному методу, примененному знаменитымъ Аммосомъ Коменскимъ въ его книгѣ: *Orbis pictus*, т. е. при помощи картинъ съ соотвѣтствующими подписями на древнихъ языкахъ. Въ то же время на Фрезе была возложена обязанность принять всѣ необходимыя мѣры къ открытію здѣсь, при Родильномъ Гошпиталѣ, училища повивальнаго искусства, вслѣдствіе чего онъ велъ переписку съ чужими краями, выискивая способнаго професора, и вычислялъ издержки, по-

требныя для устройства новаго заведенія, которое и было открыто въ 1784 г. При вступленіи же Фрезе въ Домъ — по его словамъ — «исключая священника, отправляющаго службы церковныя, исключая одной женщины, занимавшей мѣсто первой надзирательницы, и одного лекаря, все воспитаніе дѣтей отъ подлыхъ бабъ (т. е. отъ простыхъ, необразованныхъ женщинъ) зависѣло». 1784 годъ выдается также, въ лѣтописяхъ Воспитательнаго Дома, сравнительно малымъ количествомъ умершихъ дѣтей.

Въ началѣ 1785 года Фрезе вышелъ въ отставку, обидѣвшись назначеніемъ не по его выбору, и даже противъ его воли, Обер-Директорскаго помощника Фабера. По этому случаю Фрезе писалъ письмо въ Опекунскій Совѣтъ, — подписанное въ дѣлу объ опредѣленіи Фабера, — и здѣсь, изложивъ все, что было имъ сдѣлано на пользу Воспитательнаго Дома, протестовалъ противъ назначенія себѣ помощника, въ которомъ онъ «ни малѣйшей доселѣ надобности не предвидитъ, ибо самъ оную должность исправляетъ съ большою ревностью». Законоположеніемъ 1780 г., дѣйствительно, предписывалось Обер-Директору самому выбирать себѣ помощника; но этотъ помощникъ, во всякомъ случаѣ, полагался по штату, и справедливость требуетъ замѣтить, что Бецкой довольно долго дождался: на кого уважаетъ ему выборъ Фрезе? Только по прошествіи 4-хъ слишкомъ лѣтъ, со времени изданія новаго законоположенія, Бецкой рѣшился замѣстить отъ себя штатную вакансію, опредѣливъ на нее человѣка, уже служившаго 17 лѣтъ подъ его начальствомъ — два года въ Академіи Художествъ и пятнадцать лѣтъ въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ — человѣка (какъ этого не отрицаетъ и Фрезе) образованнаго и практически знакомаго съ воспитательнымъ дѣломъ. Тѣмъ не менѣе, Фрезе, подъ вліяніемъ самолюбія, которое едва-ли можетъ быть признано тутъ умѣстнымъ, не захотѣлъ трудиться вмѣстѣ съ такимъ помощникомъ и вскорѣ послѣ того, какъ Фабера былъ утвержденъ въ своей должности (3-го января 1785 г.), оставилъ службу при Воспитательномъ Домѣ (27-го февраля). Въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія Фрезе состоялъ «для ученыхъ упражненій» въ вѣдомствѣ Комисіи объ учрежденіи народныхъ училищъ.¹⁾

¹⁾ «Описаніе С.-Петербурга», Георги, ч. I, стр. 198.

По выходѣ Фрезе въ отставку, вызванъ былъ сюда, на краткій срокъ, изъ Москвы тамошній Обер-Директоръ Гогель — «для скорѣйшаго довершенія дѣлъ и для окончанія немедленно всего по Дому, какъ то по узаконеніямъ предписано и порядокъ того требуетъ».¹⁾ Временное и слишкомъ непродолжительное пребываніе Гогеля въ С.-Петербургѣ (съ конца февраля до начала апрѣля 1785 года)—причемъ онъ не покидалъ своей должности въ Москвѣ, а считался только въ отлучкѣ—могло бы дать намъ право не заносить его въ число дѣятелей собственно по здѣшнему Дому; но личность эта до такой степени интересна и играла такую важную роль въ судьбѣ учреждений Бецкаго, что читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы освѣтимъ ее, насколько возможно, біографическими фактами. Это будетъ тѣмъ нужнѣе и полезнѣе, что, переходя далѣе къ очерку безпорядковъ, возникшихъ по Воспитательнымъ Домамъ въ концѣ управленія Бецкаго, мы снова будемъ имѣть случай коснуться этой энергической, талантливой, но, къ сожалѣнію, не безупречной въ нравственномъ отношеніи личности.

А. П. Патковскій.

¹⁾ Дѣло по Канц. Сиб. Оп. Сов. о служившихъ, № 888, связка 9. Письмо Бецкаго въ Сиб. Опек. Совѣтъ.